

Наперёд знаю, спросишь ты: «Разве такое бывает?» Всё в сказке бывает. Подумай, пораскинь мозгами и поймёшь, какой в этой сказке смысл заложен. Жил в старину юноша по прозванию Да-чжуан. Жил вдвоём с матерью в маленьком домике у самой горы. И в холод и в зной ходил он в горы хворост рубить, тем и кормился. Рос Да-чжуан в бедности, да вырос могучим, плечистым, высоким и на редкость простодушным. В былые времена всё отец с матерью решали: за кого дочь замуж отдать, на ком сына женить. И всё едино им было – полюбят молодые друг дружку или не полюбят. Только бы в богатый дом чадо своё сбыть, и ладно.

Так вот, вырос Да-чжуан, пора бы ему жениться, а он всё один да один. Понимает он, что мать в том не виновата, худого слова ей не скажет, обиды своей не выскажет. Жара холод сменяет, осень – весну, год за годом проходит. Молчит Да-чжуан, а сам уже ни на что не надеется, опостылела ему жизнь.

Но вот однажды пригрело весеннее солнышко, цветы расцвели, всю гору пёстрым ковром укрыли. Ещё зеленей стали сосны, ещё прозрачней вода в родниках. Зазвенели на все лады ручейки. Лёгкий ветерок подул, запели-защебетали птицы. Скоро полдень, а Да-чжуан знай хворост рубит, обо всём на свете забыл. Вдруг слышит – рассмеялся кто-то, звонко так да весело. Оглянулся – что за диво! Стоят под высокой каменной скалой две девушки – две птички, смехом заливаются. Чуть не рядом с юношей стоят. И всё ему видно. Одна девушка в зелёное одета; лицо – овальное яйцо утиное, глаза узкие, брови тонкие. Красавица, да и только! Другая девушка в красное одета. Лицо круглое, глаза большие, щёчки румяные, зубы белые.

Росла на вершине скалы слива дикая, красным цветом усыпанная. Подпрыгнула девушка в красном, за сосну ухватилась, легко на самую макушку вскарабкалась. Вмиг до середины отвесной скалы добралась, да так ловко, будто ветром её туда занесло. Хоть и привык Да-чжуан по горам лазить, а подивился. Взобралась девушка на вершину скалы, наклонилась, полную охапку сливовых цветов нарвала. Распрямилась, видит – юноша с неё глаз не сводит, рассмеялась и бросила в юношу цветок. И вот диво: ни вправо не упал цветок, ни влево, ни вперёд, ни назад – прямёхонько в голову юноше угодил. Растерялся юноша, покраснел. А девушка так и покатывается со смеху.

Говорит ей сестрица:

- Не шутки у тебя, а зло одно. Пошли лучше домой. Увидит отец - не до шуток будет.

Повернулись девушки и за каменной скалой исчезли. Стал юноша думать, стал гадать: «Чьи же это дочери сюда ненароком забежали?» А потом решил: «Не моё это дело» - и снова принялся хворост рубить.

На другой день Да-чжуан, как всегда, в горы отправился. Рубит он хворост, вдруг - шварк - камешек прямо перед ним упал. Обернулся юноша - меж сосен красное платье мелькнуло. Звонкий смех бусинками рассыпался. Заколотилось у юноши сердце, никак не успокоится.

На третий день девушка в красном с охачкой хвороста Да-чжуану навстречу вышла, смехом заливается. Глаза у неё ещё яснее, щёчки ещё розовее.

Говорит юноша:

- Ты... - И ничего больше сказать не может.

Бросила девушка хворост, засмеялась и убежала. Взяла тут юношу досада. Ругает сам себя: «Рот деревянный, язык непослушный». Обо всём забыл юноша, только про девушку и думает. Насилу день прожил. Утром пришёл, смотрит - девушка на травке у реки сидит. Расхрабрился юноша, дай, думает, подойду к красавице. А красавица рот рукой прикрыла, так и прыснула со смеху. Застеснялся юноша, остановился, дальше идти не решается. А девица головой кивает, зовёт юношу. Подошёл он. Как звать девицу, не знает и спрашивает:

- Ты откуда?

А девушка смеётся и отвечает:

- Не всё ли равно откуда? Давай лучше я тебе хворост помогу рубить. Посмотрим, кто больше нарубит!

Девушка то на дерево заберётся, то вниз спрыгнет. Руки проворные, сама лёгкая. Ломает хворост, да никак ей

за юношей не угнаться - чуть поменьше его наломала. Забралась девушка на сухое дерево, с треском верхушку обломала. Вдруг из лесу голос послышался:

- Эр-ни! Хватит тебе проказничать, не маленькая! Иди скорее, отец пришёл!

Спрыгнула она с дерева, на одну кучу хвороста посмотрела, другую взглядом смерила, головой мотнула и говорит:

- Ты верх взял, больше меня хворосту наломал. А теперь мне пора. Старшая сестра кличет.

Повернулась девушка, к лесу побежала. Обернулась, засмеялась и исчезла.

С той поры девушка частенько прибежала из лесу. Шутки шутит, смехом заливается, юноше хворост собирать помогает. Сказала она, что прозывается Эр-ни – Вторая дочь, что она из семьи Ху, живёт за высокой горой, а девушка в зелёном старшей сестрой ей доводится. Уж так рад юноша, когда девушка к нему приходит, что небо вместе с ним радуется, земля веселится. Защебечут птицы – чудится юноше пенье дивное. Зашумят на ветру листья – слышится юноше звонкий смех. И цветы будто краше стали, и ручьи звонче. Вот бы взять такую девушку в жены. Думает так юноша, а красавице ничего не говорит – боится.

Приметила мать: уходит сын раньше, домой возвращается позднее. Хворосту ещё больше приносит. Радует старая – трудолюбивый у неё сын, и тревожно ей – неладное чует. То веселится юноша, то вдруг задумается, как потерянный ходит. Не стерпела мать, спрашивает:

– О чём печалишься, сынок?

И рассказал ей сын всё, как есть, по порядку. Говорит мать:

– Горы глухие да пустынные. Откуда там девушке взяться? Коли встретишь её опять, приведи, я на неё погляжу.

Наутро пришёл юноша в горы, а девушка на прежнем месте сидит – на самой верхушке скалы каменной. Голова вся цветами изукрашена. Взяла Эр-ни один цветок, в волосы юноше воткнула, а сама смеётся-заливается.

Говорит юноша:

– Не будем мы нынче хворост рубить.

– Отчего же не будем? – спрашивает девушка. Отвечает юноша:

– Моя матушка на тебя взглянуть хочет. Обиделась девушка и говорит:

– Эх ты! Хочешь, чтоб мать тебе подходящую жену выбрала?

Сказала так девушка, плечами повела, повернулась и убежала.

Растерялся юноша, быстро догнал девушку, говорит, а сам запинается:

– Хочу я с тобой век вместе прожить, коли не брезгуешь, соглашайся.

Застеснялась девушка и говорит:

- Да это я так, шутки шучу. - Сказала и опять смехом залилась.

Посмотрел юноша на девушку и тоже рассмеялся, пот со лба вытер.

Привёл юноша Эр-ни к себе в дом, стала она его женой. И до того трудолюбива была Эр-ни! За какую работу ни возьмётся, всё у неё спорится. Нисколько не гнушалась девушка бедностью Да-чжуана. День-деньской щебечет да смеётся. С нею и старуха мать словоохотливей стала. Только вскорости закручинилась вдруг старуха, брови нахмурила. Стала её Эр-ни спрашивать, что да как. А старуха ей и отвечает:

- Не хочу я тебя обманывать, доченька, все наши припасы кончились, нечего больше в котёл класть.

Засмеялась молодая невестка и говорит:

- Не тревожьтесь, матушка!

Сказала она так и убежала куда-то. Немного времени прошло, смотрит мать: невестка с целой корзиной риса воротилась. Глазам своим не верит старуха. Радуетя, а у самой сердце ноет. И спрашивает она невестку:

- Где ты рис раздобыла, доченька?

Ничего не сказала Эр-ни, рассмеялась и за стряпню принялась. Дни длинные, ночи длинные. Старуха мать и думать про этот случай забыла. Год прошёл. Родила Эр-ни мальчика. Живут они вчетвером - не нарадуются. Оглянуться не успели - мальчик бегать научился. Но вот однажды, когда солнце уже за гору село, шёл Да-чжуан домой с вязанкой хвороста, вдруг видит - Эр-ни с каким-то стариком разговаривает. Хотел он было подойти посмотреть, что за старик такой, но опомниться не успел, как старик исчез. Эр-ни одна осталась. Подбежал к ней Да-чжуан, смотрит, а у Эр-ни из глаз слёзы-жемчужинки катятся. Растревожился юноша, дрожит весь, ни разу не видел он, чтоб жена плакала. Не успел он и рта раскрыть, а Эр-ни ему и говорит:

- Должны мы с тобой, Да-чжуан, нынче расстаться. Смотрит юноша на Эр-ни, глаза широко раскрыл. Ему и во сне такое привидеться не могло, думает: может, ослышался? А жена опять ему говорит, да тихо так:

- Искал меня отец, искал и нашёл наконец. А теперь с собою увести хочет.

Понял тут Да-чжуан, что приключилось, заныло у него сердце, и спрашивает он:

- Уйдёшь ты, значит, от меня?

- Не моя на то воля, отец неволит. Забудь обо мне, будто и не было ничего промеж нас. Никогда мы больше с тобою не свидимся. - Сказала она так и заплакала горько-горько.

Не стерпел Да-чжуан, уронил слезу и говорит:

- Не можем мы с тобою расстаться!

Ничего на это не ответила Эр-ни. А потом говорит:

- Надумал мой отец в дальние края податься. Ты сейчас воротись домой. А после, если не забудешь меня, иди на юго-запад, пройдёшь тысячу вёрст, увидишь старую акацию. Десять тысяч лет ей. Под той акацией пещера есть в сто вёрст длиной, там и найдёшь меня.

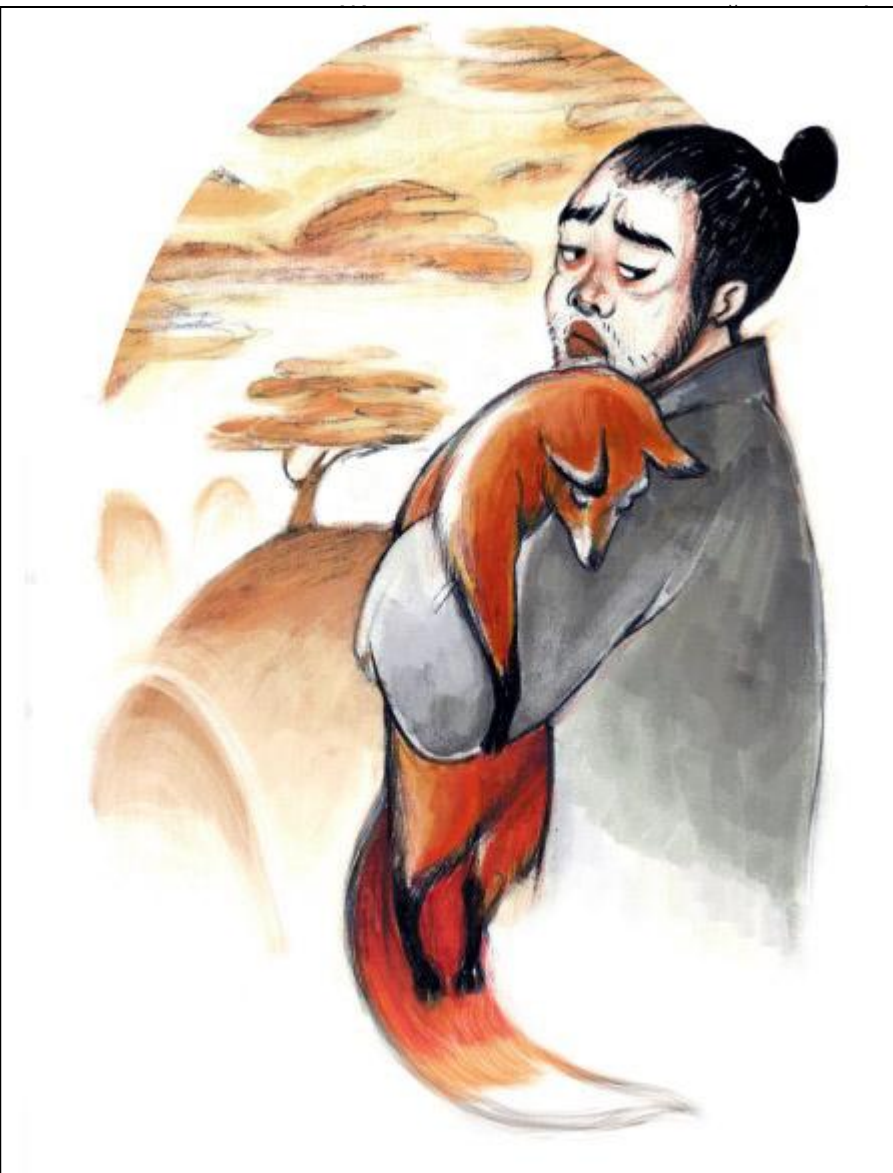
Закивал Да-чжуан головой: согласен, мол. Вдруг Эр-ни протянула юноше что-то красное и блестящее и говорит:

- Нечего тебе будет есть, попросил. Посмотрел Да-чжуан на жемчужину, а она величиной с боб. Поднял голову - Эр-ни и след простыл, сидит у его ног огненно-красная лиса, из глаз у неё слёзы на землю капают. Присел Да-чжуан на корточки и говорит:

- Возьми своё сокровище обратно, Эр-ни. Ты тварью оборотилась, а без тебя не видать мне счастья.

Замотала лисица головой. Взял её Да-чжуан на руки, вдруг слышит - за спиной у него кто-то кашлянул. Оглянулся - нет никого, а потом смотрит - и лисица исчезла. Чуть умом не тронулся юноша, ищет везде - ни следа лисьего нет нигде, ни тени. Тут ночь наступила. Делать нечего, пришлось домой воротиться.

День и ночь думает Да-чжуан про Эр-ни, кусок ему в горло не идёт. Сын с утра до вечера плачет, мать ищет. Старуха по невестке тоскует, внучонка жалеет, смотрит, как плачет

дитя малое, и сама слезами обливается. Слёз тех на целую заводь хватило бы. Горе радость сменило. А время бежит. И вот решил Да-чжуан в путь отправиться - Эр-ни искать. Наказала мать сыну взять жемчужину с собой. Всё готова старая терпеть - голод, нужду, только бы сын Эр-ни нашёл и домой с ней воротился. Собрала старая сына в дорогу, сухих лепёшек ему положила, да не про то речь. Отправился юноша в путь. Ветер его насквозь пробирает, иней, дождь да роса мочат, ведро [Ясная, солнечная, безветренная погода] ненастье сменяет. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей он шёл, год целый, а то и больше прошёл. И увидел он наконец ту акацию. Недаром десять тысяч лет ей - вдесятером не обхватишь. Под акацией пещера, глубокая-преглубокая, дна не видать. Радуетса Да-чжуан, только страшно ему. Эх, думает, будь что будет. И начал вниз спускаться. А дорога - косогор крутой, и темным-темно. Пришлось юноше ощупью пробираться.

Идёт он день, идёт ночь, ещё день, ещё ночь, вдруг видит - светло стало. Ещё немного прошёл - вдалеке высокая арка и большие ворота показались. Ворота лаком чёрным покрытые. Подошёл юноша к воротам, подёргал за кольцо - ворота распахнулись. И увидел юноша девицу в зелёном платье, ту самую, которую Эр-ни своей старшей сестрой назвала. Смотрит девушка на Да-чжуана, глазам своим не верит, одолела её тревога, спрашивает:

- Ты как сюда попал? Вернётся отец - не поздоровится тебе.

- Будь что будет, только надобно мне с Эр-ни повидаться.

Вздохнула девушка, ворота заперла и говорит:

- Иди за мной.

Двор просторный, во дворе дом стоит, в доме с каждой стороны по флигелю - все из одноцветного

кирпича сложены, черепицей крыты. Привела девушка Да-чжуана в восточный флигель, пальцем на кан показала:

- Вот она, Эр-ни.

Смотрит Да-чжуан - там лиса лежит. Тяжко стало у него на сердце. Вмиг вытащил он из мешка волшебную жемчужину. А лиса как увидела юношу, так и кинулась к нему. Протянул он ей красную жемчужину. Перекувырнулась лисица, смотрит юноша - опять Эр-ни перед ним стоит. Обрадовался сперва Да-чжуан, потом сердце у него заныло. Похудела Эр-ни, вроде бы старше стала. А Эр-ни взяла его за руку, смеётся. Тут у ворот чей-то голос слышался. Испугалась старшая сестра и говорит:

- Прячься скорей! Отец воротился.

Да-чжуан от злости даже глаза вытаращил. Рванулся вперёд. А сестра Эр-ни его легонько рукой отталкивает. Потом ушла, а сама дверь заперла.

Говорит Эр-ни:

- Станет отец тебя потчевать, крошки в рот не бери. Только она это сказала, входит во двор старый лис, носом шмыгает, принимаивается:

- Чую человеческий дух! Чую человеческий дух! А старшая дочь ему отвечает:

- Откуда тут человеческому духу взяться? Это ты ходил-бродил, чужой земли на ногах принёс.

Отвечает старый лис:

- Не я принёс. Чужой пришёл. Чую человеческий дух! Чую человеческий дух!

- Не чужой пришёл, муж Эр-ни пожаловал.

А Да-чжуан уже всё наперёд прикинул. Не отдаст ему старый лис Эр-ни - он будет насмерть драться с ним. Тут как раз слышался во дворе хохот старого лиса. Расхохотался он и как закричит:

- Пусть муж Эр-ни живо ко мне выйдет! Поглядеть на него хочу!

Отперла старшая дочь дверь. Вышел Да-чжуан, смотрит - перед ним белолицый старец стоит, атласная куртка на нём. Увидел он юношу, стал рукой его манить да звать:

- Иди-ка быстрее наверх, в северную комнату. Небось проголодался? Попотчую тебя на славу!

Поднялся юноша вслед за старцем в комнату. В комнате стол стоит, лаком покрытый, блестит. А на столе том яств видимо-невидимо: десять блюд да ещё восемь чашек. И чего только нет! Курятина, рыба - ароматный дух прямо в нос бьёт. У Да-чжуана в животе урчит - почитай, день целый не ел. Но крепко-накрепко запомнил он, что Эр-ни ему наказывала. И так его упрашивал белолицый старец, и эдак уговаривал - ни крошки юноша не взял. Говорит старец:

- Не хочешь овощи - лапши отведай.

А юноша на своём стоит, к еде не притрагивается. Старец сам юноше отвар из лапши подаёт, говорит:

- Не хочешь лапши - выпей хоть отвару.

У юноши во рту пересохло, аж сердце от жажды горит, и думает он: «Эр-ни только есть не велела, а про питье вроде бы ничего не сказала. Выпью немного, авось обойдётся». Взял юноша у старца чашку с отваром, стал пить. Пьёт-пьёт и не заметил, как лапшинка в рот проскочила.

Спрашивает Эр-ни:

- Ел ты у отца, когда он тебя потчевал?

- Не ел, только отвар из лапши пил, да вот не заметил, как лапшинка в рот проскочила.

Стала его Эр-ни укорять:

- Зачем же ты отвар пил? Не лапшинка тебе в рот проскочила, змея ядовитая. Изведёт она тебя.

Аж подскочил юноша с перепугу, а Эр-ни ему и говорит:

- Чтобы от змеиного яда убережешься, белая жемчужина нужна.

Эр-ни взяла жемчужину, бросила её в чашку с водой и велела Да-чжуану выпить.

Взяла Эр-ни Да-чжуана за руку, и побежали они. Бегут - земли под собой не чувят. Выскочили из пещеры. Дня не прошло, а они уж воротились. И стали они опять жить все вчетвером в радости и довольстве.